

Н.М. Соколовский

Острог и жизнь

Из записок следователя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.М. Соколовский**
Острог и жизнь: Из записок следователя / Н.М. Соколовский – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 513 с.

ISBN 978-5-458-01943-9

ISBN 978-5-458-01943-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СКВЕРНЫЯ МИНУТЫ.

Воспоминанія прошлаго для каждаго не легкая работа: у всѣхъ въ итогѣ не велика сумма радостей, за то всѣмъ на долю досталось довольно страданій. На «скверныя минуты» жизнь не скупится, всѣхъ и каждаго одѣляетъ она ими въ изобиліи, но я полагаю что незавидное преимущество въ этомъ случаѣ должно остаться за слѣдователемъ. Врядъ ли кто можетъ вызвать изъ своего прошедшаго такую длинную вереницу печальныхъ образовъ, врядъ ли кому чаще приходилось выслушивать исповѣдь людскихъ страданій, врядъ ли предъ кѣмъ лилось столько слезъ, кому удавалось переживать столько болѣзненно-тяжелыхъ впечатлѣній. По свойству работы, слѣдователь тотъ же анатомъ, только передъ первымъ живой человѣкъ, передъ вторымъ — трупъ, отсюда и разница въ выносимыхъ ими впечатлѣніяхъ: провѣрка извѣстнаго явленія послѣднимъ не исключаетъ полнаго спокойствія, спокойствіе перваго, — для меня, по крайней мѣрѣ, —

*

не мыслимо. Слова нѣтъ, привычка дѣло великое; можно гораздо хладнокровнѣе относиться къ явленіямъ, которыя прошли уже передъ вами нѣсколько разъ, но я не знаю, что должны быть за чувства, за нервы, которыя окончательно теряютъ способность отражать во-очію разыгрывающіяся драмы, нерѣдко потрясающія, окрашенныя кровавымъ цвѣтомъ. Помню, я едва могъ выдержать первое «вскрытіе», потомъ мнѣ приходилось присутствовать при томъ же процессѣ надъ обезображенными, разлагающимися трупами — и ничего, только подергиваетъ нѣсколько, когда полупьяный фельдшеръ начнетъ пилить черепъ или ломать грудную кость; но опять таки здѣсь дѣло идетъ надъ трупомъ, къ нравственной же ломкѣ живаго человѣка привыкнуть нельзя, а если и можно, такъ подъ однимъ условіемъ утраты своего человѣческаго чувства. Слѣдователь не постороннее лицо тому, что передъ нимъ совершается, онъ самъ участникъ драмы. Если васъ увлекаетъ художественная игра актера, если подъ ея впечатлѣніемъ вы переживаете всѣ моменты драмы, усваиваете, какъ свои собственныя, чужія радости и страданія; если вы свое участіе вправѣ считать законнымъ, то еще законнѣе участіе слѣдователя въ проходящихъ предъ нимъ явленіяхъ, еще аномальнѣе тутъ его юпитеровское безстрастіе. Предъ вами — театръ, подмости, мишура, передъ слѣдователемъ — жизнь, неподдѣльныя страданія, изуродованный, но не подкрашенный человѣкъ. Результатъ работы слѣдователя немногосложенъ. Совершилось преступленіе — «выясняй фактъ, открывай истину», говорятъ слѣдо-

вателю, и вотъ, въ случаѣ успѣха, является: такой-то отравилъ такого-то, обокралъ такую-то — и затѣмъ общій финалъ, исходъ всѣхъ открытій, приговоръ суда: «подлежать наказанію такому-то». Но этимъ результатомъ не исчерпывается вся глубина жизненной драмы, по немъ нельзя даже судить о переживаемыхъ слѣдователемъ впечатлѣніяхъ. Окончательное открытіе слѣдователя — только извѣстная формула, выраженная дубово-канцелярскимъ языкомъ, но за нею скрыта вся жизненная суть, всѣ тѣ лихорадочно-страстные проявленія борьбы, свидѣтелемъ которыхъ бываетъ одинъ только слѣдователь. Эти послѣднія не укладываются на бумагу, ихъ не уловишь, какъ не уловишь откуда-то донесшійся звукъ, откуда-то промелькнувшій лучъ...

Три раза мнѣ одинъ и тотъ же воръ попадался: молодой малый, изъ дворовыхъ, по фамиліи Драгуновъ. Попавшись въ первый разъ, Драгуновъ горько плакалъ и все клялся, что впредь онъ лучше руки наложить на себя, чѣмъ на воровство пойдеть. Драгуновъ не лгалъ; въ его словахъ слишкомъ много слышалось простоты, безыскусственности. Попавшись въ третій разъ, воръ уже не каялся, не плакалъ, а молчалъ угрюмо, да изъ подлобья смотрѣлъ. Я ему напомнилъ нашу первую встрѣчу.

— Нешто вамъ приказано вѣрить-то нашему брату? Знаю воръ, былъ воромъ и буду воромъ. Турусы-то на колесахъ мы мастера городить, на это насъ возьми. Побольше слушайте! злобно отвѣтилъ мнѣ на напоминаніе Драгуновъ.

Мнѣ слѣдовало сдѣлать обыскъ у Драгунова; я объявилъ ему объ этомъ.

— Такъ что мнѣ. Пойдите, палаты мои увидите.

На самомъ днѣ глубокаго оврага, раздѣляющаго городъ на двѣ части, лѣпилось нѣсколько низенькихъ, на бокъ покачнувшихся мазанокъ. Грязныя, закоптѣлыя, съ трипицами вмѣсто оконъ, съ стропилами вмѣсто крышъ, мазанки безъ дальнѣйшихъ коментарій, сами за себя говорили, что за счастливое житье пребываетъ внутри ихъ. Въ одной изъ этихъ «палатъ» жилъ Драгуновъ.

Драгуновъ вышелъ отъ меня бойко, но, по мѣрѣ приближенія къ мазанкамъ, я сталъ замѣчать въ немъ странную перемену: онъ оглядывался безпокойно назадъ, замедлялъ шаги, мѣнялся въ лицѣ, дышалъ какъ-то труднѣе. Видно, что каждый шагъ впередъ стоилъ ему усилій надъ собой. Мы спустились въ оврагъ, до «палатъ» осталось всего сажени сто.

— Не можется мнѣ что-то, ваше б-діе, одни съ обыскомъ идите, — я съ понятымъ здѣсь подожду. Не бойтесь: не убѣгу.

Драгуновъ былъ блѣденъ, какъ полотно. Я послалъ принести воды — Давши оправиться Драгунову, я объявилъ ему, что одинъ въ его квартиру не пойду, что онъ непремѣнно самъ долженъ быть при обыскѣ, чтобы видѣть законность его.

Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ между мазанками, до жилья Драгунова оставалось всего сажень пять. На дворѣ былъ славный, осенній день; въ разрѣженно-холодномъ воздухѣ стояла ничѣмъ не возму-

тимая тишина. Вдругъ въ этой тишинѣ раздался долгій, болѣзненный стонъ. Затрясся весь Драгуновъ, услыхавъ его, и ни съ мѣста.

— Воля ваша: на куски меня рѣжьте, а не пойду я къ ней. Умирать мнѣ легче.

Стонъ снова повторился, только еще болѣзненнѣе.

— Охъ! Родить знать! стономъ же отвѣчалъ Драгуновъ на стонъ, несшійся изъ мазанки и шарахнулся на земь: — бейте меня, а не пойду, не пойду я туда, повторялъ Драгуновъ съ тѣмъ отчаяніемъ, которому и выраженья не подберешь.

Понятно, на сколько эта сцена удивила всѣхъ насъ. Оставивъ Драгунова съ понятыми въ оврагѣ, я пошелъ къ мазанкѣ, тихо отворилъ дверь и остановился на порогѣ: подобной безпомощной нищеты и при подобной обстановкѣ я еще не видывалъ. Картина была такого рода: на земляномъ полу мазанки, на грязной рогожѣ, съ чурбаномъ виѣсто изголовья, лежала молодая женщина, мучимая послѣдними потугами, около нея ползалъ годовой ребенокъ нагишомъ; двое другихъ ребятшекъ, прикрытыхъ отвратительно грязными рубищами, прижавшись въ самый уголъ, выглядывали изъ-за корыта, прислоненнаго къ стѣнѣ, какими-то испуганными волченками на страдающую мать... Больше въ мазанкѣ ничего и никого не было, только совершенно черныя отъ копоти стѣны полумракъ да подвальная сырость дополняли общее впечатлѣніе картины... Это была семья Драгунова въ полномъ ея составѣ.

Я понялъ, почему Драгуновъ шарахнулся на земь и не хотѣлъ взойти въ свою «палату».

Исторія Драгунова недолга; происхожденіемъ онъ изъ дворовыхъ и состоялъ при псарнѣ; когда ему минуло двадцать лѣтъ, его женили на дворовой же дѣвушкѣ; а въ то время, когда родился третій ребенокъ, его отпустили на волю: свободенъ, значить. Но непривѣтливо встрѣтила Драгунова съ семьей — свобода: ѣсть надо же было что нибудь. Сначала Драгуновъ пытался найти работу у окружныхъ помѣщиковъ, но тѣ и съ своими-то не знали, куда дѣваться. Должно было искать новыхъ мѣстъ. Собралъ Драгуновъ нищенскій скарбъ свой и потянулся съ беременной женой да съ тройкой ребятишекъ, малъ мала меньше, въ нашъ городъ. Но и здѣсь горькая доля ждала бѣдняка. Драгуновъ въ наймы себя предлагаетъ, а его спрашиваютъ:

— Ты женатъ?

— Женатъ.

— Дѣти есть?

— Есть — трое.

— Проваливай дальше, такихъ намъ не надо.

— Съ женой врозь буду жить.

— Одно все: на сторону станешь часто смотрѣть, въ свой домъ хозяйское добро тащить.

Каждый вопросъ отодвигалъ отъ Драгунова возможность честнаго труда; устами нанимателей судьба приносила приговоръ надъ нимъ и надъ его семьей. Въ перспективѣ уже виднѣлась широкая дорога...

Пытался Драгуновъ заняться работой поденной, но какая въ нашей глуши поденная работа? Здоровенный мужикъ, что цѣлую жизнь девяти-пудовые кули на

своихъ широкихъ плечахъ таскаетъ, и тотъ копѣекъ тридцать въ день зарабатываетъ, да за день работы дня три даромъ проходитъ; а о псарѣ отставномъ и говорить нечего: не на то съ малолѣтства онъ готовился; другимъ художествамъ въ застольныхъ да въ отѣзжихъ поляхъ его обучали...

Совсѣмъ туго стало Драгунову, съ его немалою семьей: наги и босы всѣ стали, съ голоду приходилось умирать.

Однажды стоялъ Драгуновъ на мосту (гдѣ поденщики у насъ собираются) цѣлый день, но ни одна душа даже не явилась съ предложеніемъ найма. Дома у Драгунова въ это время ни заложить, ни продать уже нечего было, въ карманѣ гроша мѣднаго не имѣлось. Чѣмъ накормить жену больную, дѣтей малыхъ?... Подавленный думами невеселыми, да горемъ неисходнымъ, побрелъ съ моста Драгуновъ, и на этотъ разъ попалъ уже не домой, а въ сибирку: въ первый встрѣтившійся на дорогѣ подъѣздъ завернулъ и своровалъ пальто.

Воспользоваться краденымъ Драгунову не удалось: устигли.

Но условія жизни не измѣнялись, семья голодала по прежнему, а потому, какъ и слѣдовало ожидать, за первымъ воровствомъ послѣдовало другое, а за нимъ и третье. Въ послѣдній разъ Драгуновъ забрался, уже ночью, въ окно и подломалъ письменный столъ; стало быть преступленіе его сопровождалось «увеличивающими вину обстоятельствами», но за то въ это время Драгуновъ ждалъ съ часу на часъ четвераго ребенка.

Это исторія одного «преступника», вора. Сознаюсь, она неполна: я представилъ только голый остовъ ея, внѣшнюю сторону; стало быть недостаетъ главнаго: психической борьбы, выдержанной воровъ, прежде чѣмъ пустился онъ впервые «на рискованное дѣло», мученій голода, имъ испытанныхъ, и пытки имъ выдержанной при взглядѣ на семью, прежде чѣмъ этотъ воръ всадилъ впервые коловоротъ въ чужое добро. Но недостающее предоставляю дополнить читателямъ.

О производствѣ обыска въ «палатѣ» Драгунова не могло быть и рѣчи: и безъ того на долю молодой женщины пришлось слишкомъ много страданія, новымъ приѣмомъ его можно было совсѣмъ убить ее.

Драгуновъ не вошелъ въ свое жилище.

Во всю обратную дорогу Драгуновъ молчалъ и все смотрѣлъ въ землю. По прежнему онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

Мы возвратились.

— Видѣли, что ли? сказалъ мнѣ задыхаясь, стиснувъ зубы, Драгуновъ. — Ну такъ вотъ что: на цѣпь меня сажайте; не то, говорю я вамъ, хуже будетъ! Звѣрь я сталъ, руками своими передую ихъ всѣхъ. Нечего имъ маяться!

Въ эту минуту Драгуновъ говорилъ правду: его рука недрогнула бы, совершая дѣтоубійство.

Это одинъ изъ эпизодовъ «слѣдственной» дѣятельности. Скажите, можно ли относиться къ нимъ хладнокровно, можно ли ближайшимъ свидѣтелямъ ихъ, почти участникамъ, не переживать очень много и очень

тяжелыхъ впечатлѣній? Безстрастіе достоинство ли тутъ? Скажутъ: передъ слѣдователемъ преступникъ, чего же тутъ особенно волноваться? Въ видахъ гарантіи общественнаго спокойствія — худая трава изъ поля вонь. Но въ томъ-то и бѣда, что гораздо легче написать слово «преступникъ», чѣмъ добросовѣстно произнести приговоръ надъ человѣкомъ, въ томъ то и бѣда, что отъ худыхъ сѣмянъ, да отъ худой почвы могла только и вырасти, что одна худая трава, въ томъ то и бѣда, что прилагать къ худой травѣ законъ возмездія за то что она нестала къ обоюдному желанью хорошей, больше странно, чѣмъ тянуть къ отвѣту чело-вѣка, ни разу небравшаго въ руки музыкальнаго инструмента, за то, что онъ не можетъ усладить васъ симфоніей Моцарта. Много разъ приходилось мнѣ стоять лицомъ къ лицу «съ преступниками» но если бы вы спросили меня: «а много ли изъ нихъ было дѣйствительно преступниковъ?» тогда, вмѣсто отвѣта, я заставилъ бы васъ самихъ выслушать ихъ мрачную исповѣдь, заставилъ бы анализировать каждый отдѣльный фактъ ее, провѣрить его стоимость въ связи со всѣми условіями, при которыхъ онъ слагался и потомъ посмотрѣлъ бы, чтобы вы сказали сами, посмотрѣлъ бы, — поднялась ли бы рука и у васъ, чтобы бросить камень въ изуродованное преступленіемъ лицо злодѣя...

Правда зло, во всемъ его ужасающемъ безобразіи совершенно, его совершитель стоитъ передъ вами; въ виду дымящейся крови, пролитыхъ слезъ, въ виду неумолимой жестокости, не внявшей ни стѣнамъ, ни моль-

бамъ, въ виду поправныхъ самыхъ святыхъ правъ личности, ваша рука судорожно сжимаетъ камень и готова бросить его, но въ моментъ вашего движенія, въ лицѣ того же зла, того же преступника, встаютъ предъ вами «проклятые вопросы» и говорятъ: разрѣшай сначала насъ.

Кто виновать? навязчиво вертится въ вашей головѣ, и безконечный лабиринтъ открывается передъ вами, войдя въ который, вы чувствуете себя подавленнымъ, ошеломленнымъ: здѣсь и общество, съ его неумѣлой постановкой и разрѣшеніемъ самыхъ кровныхъ, самыхъ насущныхъ вопросовъ, и личность съ физиологическими, присущими ей данными, и какой-то странный, ничѣмъ неотразимый фатумъ, — все перемѣшалось и перепуталось, все какъ будто сговорилось, чтобъ довести жизнь до проявленія себя протестомъ...

Но не успѣвши дать «прямаго отвѣта» — на безконечную нить вопросовъ, вытекающихъ изъ «кто виновать» — вамъ уже приходится приниматься за разрѣшеніе другихъ не менѣе «проклятыхъ», не менѣе мучительныхъ положеній: если зародышъ совершившагося зла таился въ физиологическихъ данныхъ присущихъ человѣку, если онъ развивался вслѣдствіе условій, видоизмѣненіе которыхъ находилось внѣ воли отдѣльной личности, если окончательное совершеніе его обязано сцѣпленію тѣхъ роковыхъ обстоятельствъ, предвидѣть и удалить которыя не представлялось возможности, то — кто же долженъ отвѣчать?...

Въ этихъ вопросахъ заключается вся суть, въ нихъ и источникъ переживаемыхъ вами тяжелыхъ впечат-